

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-43-58

ФУНКЦИИ РАЗГОВОРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ (на материале произведений Р. Сенчина)

И. А. Ковальская

Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал) Ростовского
государственного экономического университета, Таганрог, Россия

Статья посвящена изучению особенностей разговорных элементов в художественных произведениях Романа Сенчина. Творчество Р. Сенчина, признанное критиками скандальным и неординарным, пользуется большой популярностью, особенно у молодежи. Читатели ценят писателя за правдивое отображение действительности, независимое мнение об описываемых событиях и характерную манеру изображения внутреннего мира героев. Отличительной чертой текстов Р. Сенчина является сходство с разговорной речью. Выдвинуто предположение о том, что именно с помощью активного использования разговорных конструкций решаются вопросы, поставленные автором в его произведениях. Цель данной статьи состоит в изучении элементов разговорной речи в текстах Р. Сенчина. Фактическим материалом для исследования послужили произведения: роман «Ёлтышевы», повесть «Один плюс один» и рассказы «К мужу», «За встречу», «Первая девушка», «Афинские ночи», «Ложка сахара». Задачи исследования заключаются в рассмотрении реальных речевых ситуаций, созданных Р. Сенчиным для образного отражения действительности и описания переживаний главных героев. Для решения поставленных задач применялись такие исследовательские приемы, как наблюдение, описание и обобщение. Были использованы количественный, стилистический и сравнительно-сопоставительный методы. В рассматриваемых диалогах выделены и изучены превентивные высказывания, аллюзии, гиперболы, анафоры и слова-повторы (редубликаты). Реализованная Р. Сенчиным живая разговорная речь носит условный характер, так как является воплощением художественного замысла. Поэтому анализ диалогов в текстах Р. Сенчина проводился исходя из намерений писателя. Установлено, что разговорная речь в анализируемых текстах отличается лексической бедностью, стереотипностью, нейтральной общелитературной лексикой, сниженной лексикой, синтаксическим своеобразием, ненормативной лексикой, наличием множества местоимений. Делается вывод о том, что стремление Р. Сенчина приблизить свою речь к устному рассказу помогает реализовать авторский замысел.

Ключевые слова: разговорные элементы; художественный диалог; Р. Сенчин; средства речевой характеристики; речевая культура.

Цитирование: Ковальская И. А. Функции разговорных элементов в художественном диалоге (на материале произведений Р. Сенчина) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 43–58. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-43-58.

**The Functions of Conversational Elements in Fictional Dialogue
(Based on the Works of R. Senchin)**

Irina A. Kovalskaya

A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) Rostov State University of Economics, Taganrog,
Russia

The article looks at the distinctive features of colloquial elements in the fiction by modern Russian writer Roman Senchin. The work of R. Senchin, recognized by critics as scandalous and extraordinary, is very popular, especially among young people. Readers appreciate the writer for a truthful presentation of reality, an independent opinion about the events described, and a highly individual manner of depicting the inner world of the characters. A distinctive feature of R. Senchin's texts is their close resemblance to colloquial speech. It has been suggested that it is precisely through the active use of colloquial constructions that the author deals with issues posited in his work. The present study focuses on the novel "The Yoltyshevs," the novella "One Plus One," and the short stories "To the Husband", "For the Meeting", "The First Girl", "Athenian Nights", and "A Spoonful of Sugar". In order to study the real speech situations created by R. Senchin to figuratively reflect reality and to describe the experiences of the main characters, the author uses the research techniques of close reading, observation, description, and generalization as well the stylistic, the comparative, and the quantitative methods, singling out and closely examining preventive statements, allusions, hyperboles, anaphoras and repeating words (reduplicates) used by R. Senchin in his dialogues. Since, being fictional, these dialogues are stylized, their analysis, among other things, included the study of the author's intentions. As a result, it was established that these samples of fictional colloquial speech are characterized by syntactic originality, lexical poverty, stereotyping, general, neutral and substandard vocabulary, use of profanity, and a great number of pronouns. The author concludes that R. Senchin's successful intent to make his narration similar to an oral story is a powerful part of his authorial purpose.

Key words: conversational elements; fictional dialogue; Roman Senchin; means of speech characteristics; speech culture.

Citation: Kovalskaya, Irina A. (2022) The Functions of Conversational Elements in Fictional Dialogue (Based on the Works of R. Senchin). *LUNN Bulletin*, 1 (57), 43–58.

DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-43-58.

1. Введение

На протяжении более двадцати лет литературные критики с особым вниманием следят за творчеством российского прозаика Романа Сенчина. О Р. Сенчине писали П. В. Басинский, И. Б. Роднянская, Д. Л. Шаргунов, Н. Б. Иванова, В. Е. Пустовая, А. А. Ганиева, К. А. Кокшёнова, В. Г. Бондаренко, Л. А. Данилкин, А. Г. Рудалёв, С. С. Беляков, Е. А. Ермолин, Е. А. Погорелая и др. Несмотря на прямо противоположные оценки, критики признают за ним особое положение в современном литературном процессе.

Изучением произведений Р. Сенчина в разное время занимались

А. С. Гавенко, С. Д. Тарасова, Г. Д. Ахметова (псевдоним — Нина Ганьшина), О. Ю. Шум, Е. М. Ротай, А. В. Кочкина, Е. А. Василевич, В. В. Сазанов, Е. Н. Тетерина, А. Борковска, О. А. Богданова, М. В. Селеменева, Д. А. Яковлева, М. Троитски-Шефер, И. М. Вознесенская, О. Ю. Мокроусова, Т. А. Пономарева, Г. Б. Попова и др. В зависимости от целей исследования учеными проводился литературоведческий или лингвостилистический анализ текстов Р. Сенчина. Новизна настоящей статьи обусловлена тем, что на сегодняшний день в рассмотренных нами научных работах функции разговорных элементов в художественных диалогах произведений Р. Сенчина являются недостаточно изученными.

Тексты Р. Сенчина наполнены диалогами. Именно поэтому мы обращаем особое внимание на разговорную лексику. «Разговорный язык — один из двух видов литературного языка, употребляемый в условиях непринужденного общения и противопоставленный кодифицированному книжному языку» (Крысин 2006: 38). Литературный язык является фундаментом русского языка и носителем литературной нормы. «Норма представляет собой некий идеологический конструкт, который отражает представления носителей языка, интуитивные и полученные в процессе социализации, о наиболее эффективных языковых образцах, а также набор достаточно жестких предписаний и запретов. Следование требованиям нормы обеспечивает понимание в процессе коммуникации и положительно оценивается всеми носителями данного языка» (Лалетина 2011: 46). Как известно, еще А. С. Пушкин в своих произведениях активно использовал элементы разговорной речи. С того времени, по мнению ученых (Н. Г. Блохиной, Л. А. Введенской, О. Я. Гойхмана, И. Б. Голуб, М. Н. Кожиной, В. И. Максимова, Д. Э. Розенталя), в русском языке началось формирование разговорной речи как стилистической единицы. В дальнейшем, многие известные писатели, такие как Л. Н. Толстой, И. А. Некрасов, И. С. Тургенев, И. А. Бунин, С. А. Есенин, М. А. Шолохов, В. М. Шукшин, мастерски вводили разговорные фразы в художественный текст. «Реализуя общественное сознание, язык не противоречит объективному миру, но фиксирует его актуальные для того или иного общества явления, образуя идеальную картину мира, под которой автор понимает общую совокупность знаний о мире» (Басова, Федуленкова 2020: 135).

Цель настоящей статьи состоит в изучении разговорных элементов в текстах Р. Сенчина. Таким образом, задачами исследования являются анализ реальных речевых ситуаций и выявление индивидуальных свойств художественной речи.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов на занятиях в вузах по дисциплинам:

«Выразительные средства речи современного русского языка», «Теория текста», «Лингвистический анализ художественного текста».

2. Характеристика материала и методов исследования

В данной статье фактическим материалом для изучения стала документальная проза: рассказы «Первая девушка», «Афинские ночи», «К мужу», «Ложка сахара», «За встречу», повесть «Один плюс один» и роман «Ёлтышевы». Вышеперечисленные произведения мы посчитали подходящим материалом, поскольку они охватывают все периоды творчества писателя. Для решения поставленных задач использовались такие исследовательские приемы, как наблюдение, описание и обобщение. В процессе анализа текстов Р. Сенчина были применены количественный, стилистический, сравнительно-сопоставительный методы.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Разговорная речь играет важную роль в жизни человека, так как является функциональной разновидностью языка, используемой для повседневного и неофициального общения. Формы выражения мыслей в разговоре становятся спонтанными и сокращенными, допускаются речевые ошибки и неточности, по сути, выпадают некоторые части речи и нормой считаются короткие предложения. «Погрешности в способе передачи сообщения также нередко ведут к затруднению развития интеракции и неудовлетворённости коммуникантов процессом общения» (Курьян 2011: 65). Несмотря на это, некоторые писатели и поэты всё чаще обращают внимание на разговорную речь. По словам В. В. Виноградова, в художественном произведении разговорная речь постепенно «олитературируется» (Виноградов 1978). Для нас же представляет интерес вопрос о том, какие задачи решает Р. Сенчин, вводя в свои произведения разговорную лексику. Изучаемый материал изобилует диалогами, занимающими значительную часть художественного пространства. В результате проведенного анализа была выявлена доля диалогической речи от общей массы выборки нашего исследования, которая равна 68,4 %. Для этого был выполнен подсчет печатных знаков всех текстов, изучаемых в рамках данной статьи. Всего их оказалось 650 521. В целом диалоги в рассматриваемых произведениях Р. Сенчина имеют сходные количественные показатели. Только в рассказе «Первая девушка» диалог составляет всего 11,2 % (2 217 знака из 19 801). Рассказ «Афинские ночи» на 76,3 % (64 696 знаков из 84 791) состоит из диалогической речи, которая заполняет почти все пространство рассказа. Таким образом, особое внимание Р. Сенчин уделяет диалогу как форме коммуникации, в наибольшей мере воспроизводящей оригинальность раз-

говорной речи, практикующейся чаще всего в неформальном бытовом общении. Многие писатели сосредотачивались на диалоге как одном из наиболее продуктивных способов передачи речевой характеристики героев. Так, например, романы великого русского писателя И. С. Тургенева насыщены диалогами: в «Рудине» диалог занимает около 73 % всего текста, в «Дворянском гнезде» — 43 %, в «Накануне» — 58 % и в «Отцах и детях» — 71 % (Цейтлин 1958: 32).

В художественных диалогах Р. Сенчина часто встречаются *превентивные высказывания*. «Превентивный (от лат. *praeventus*) — предупреждение» (ТСРЯ 2000: 341). Понятие «превентив» впервые было определено Л. А. Бирюлиным и обозначает коммуникативно-прагматическую разновидность волеизъявления, опирающуюся на семантико-синтаксическую категорию предостережения (Бирюлин 1990). «Превентив в русском языке характеризуется богатством семантических оттенков. Благодаря гибкости своей семантической структуры превентив обладает способностью сочетаться с другими императивными значениями в пределах одного высказывания» (Курилкина 2019: 60). Основная сфера функционирования *превентива* — живая разговорная речь.

Проведем классификацию превентивных высказываний в разговорной речи произведений Р. Сенчина согласно дифференциальным признакам:

Предостережение, сопровождающее напутствие:

(1) — *Пойду тут... погуляю.*

— *Только осторожней. И не до ночи.*

Предостережение, сопровождаемое наставлением:

(2) — *Поехали, Игорень, у меня будешь работать. Жильем обеспечу, деньги будут. Ну, как?*

Игорь пожал плечами:

— *А что я умею?*

— *Ну, будешь при складе. Коробки с обувью сортировать, контролировать, как фуры грузят, что другое. Зарплата тебе, как однокласснику, повышенная. Ха-ха, премиальные! Давай, рви когти отсюда.*

Предостережение, выступающее в роли совета:

(3) — *Вы подумайте над тем, о чем я говорил. Ведь так можно всю жизнь промучиться, а вы вон какая еще молодая.*

— *Хорошо, хорошо. Спасибо.*

Предостережение, высказывающее просьбу:

(4) — *И порви их, а то нас штрафуют.*

— *Хорошо, хорошо... .*

Предостережение, предваряющее требование:

(5) — *Только дверью ради бога не хлопай!* — цепляет Марину сзади голос начальницы.

— *Да заткнешься ты, нет?*

— *Дверь в порядке, и теперь Алла Георгиевна может рассердиться всерьез.*

— *Пластинку смени или вылетишь!..*

Предостережение, выражающее запрет:

(6) — *Кто не знает — идите за остальными. И предупреждаю, — инструктор грозно оглядела стол с горами продуктов, — без сюрпризов в передачах. Всё найду, а неприятности вам надо?*

Предостережение, передающее приказ:

(7) — *Постойте, подумайте, — сказал и захлопнул дверь; поднялся в дежурное помещение, снял фуражку, вытер платком пот со лба.* (Сенчин 2000, 2010, 2011, 2017).

В зависимости от сложившейся ситуации превентивы всегда демонстрируют предупреждение говорящего, направленное адресату, предостережение от последствий возможного действия или события. Такие отрывки речи, несмотря на лаконичность, отличаются повышенной эффективностью. Ввиду высокой продуктивности превентивных высказываний Р. Сенчину удастся показать человеческие отношения в процессе непринужденного, спонтанного общения. Спонтанная (неподготовленная) речь является разновидностью устной диалогической речи. Диалог, как известно, связан с ситуацией, в которой ведется разговор. Мотивы, побуждающие к превентивным высказываниям в рамках диалога, представляют собой реакцию на действия или поведение лиц, участвующих в общении. В приведенных примерах наблюдается незапланированное выражение некоего волеизъявления говорящего, направленное на партнера, иногда лишенное речевого этикета и вежливости. Мы полагаем, что превентивы могут считаться признаками спонтанности диалогической речи и определителями уровня языковой компетенции говорящего. А в случаях совета, просьбы, напутствия или наставления — показателями непринуждённой коммуникации.

Во всех исследуемых произведениях Р. Сенчин использует *гиперболу*:

(8) — ***Сто лет*** назад это снилось, а теперь должно становиться реальностью. Человечество же прогрессирует, развивается...

(9) — *Да-а, — сокрушался Борис, — куражну-ули. Полгода* мечтал о таком празднике.

(10) — *И вечером снова убитый в хлам, снова день, как и вчерашний.*

(11) — Простите, мне на урок. Седьмой класс. Кошмар прямо какой-то — каждый раз **сражения**.

(12) — Бревна есть? — спрашивал Елтышев.

— Да есть, конечно. Вон, **целые горы**...

(13) — Песен знал **тыщу** — и душевные, и блатные, солдатские... Парни, даже кто старше, уважали.

(14) — Что, мне тебя до **пенсии твоей**, что ли, кормить?! И всех остальных?

(15) — Ну, эт понятно... Давай, Николай Михалыч, чтоб денег столько было, **чтоб не сосчитать**.

(16) — Ну, что ты вареный такой?! Ребенок заботы требует. Твой ведь ребенок, или как?!

— А мы-то откуда знаем? **Мать там на стены лезет**... И вообще, знаешь, ты определяйся, давай.

(17) — И, конечно, все участники могут бесплатно выпить по кружке нашего клубного пивка, чтобы **погасить душевный пожар**!

(6) — Кто не знает — идите за остальными. И предупреждаю, — инструктор грозно оглядела стол с **горами продуктов**, — без сюрпризов в передачах. Всё найду, а неприятности вам надо?

(18) — Эт хорошо. Значит, переведут на поселение. А эти блатные — **годами** на нарах лежат и будут до звонка париться.

(19) — А чего ты? — тоже раздражается Тайка. — Можно подумать, у вас там жара сейчас, бананы растут.

— У нас, к твоему сведению, доходят ветры теплых течений, и всегда выше температура.

— Я и говорю — **Африка** (Сенчин 2000, 2010, 2011, 2017).

«Гипербола — стилистический прием, заключающийся в чрезмерном преувеличении каких-либо качеств или свойств изображаемого предмета, явления с целью усиления впечатления» (ТСС 2001: 85). «Гиперболические высказывания возникают в результате оценки говорящим сообщаемых им фактов, поэтому решающей является именно его позиция» (Логина 2018: 67). Из этого следует, что употребление гипербол выгодно писателю. Намеренное преувеличение количественных или качественных свойств, явлений и предметов передаёт состояние героев, их отношение к событиям. Кажется, что соразмерность изображаемой жизни нарушена. Но в данном случае искажение пропорций портретных и бытовых деталей служит для создания образной характеристики героя.

Следует подчеркнуть, что особое внимание в творчества Сенчина уделено *аллюзии*. «Аллюзия (от лат. *allusio* — шутка, намек), стилистическая фигура, намек посредством сходнозвучающего слова или упоминания

общеизвестного реального факта, исторического события, литературного произведения» (БЭС 2004: 39). «Аллюзия, будучи эффективным приемом повышения информативного, эмоционально-эстетического и прагматического потенциала текста, признается одним из важнейших средств реализации категории интертекстуальности и создания межтекстовых связей» (Кабанова 2016: 37). Например, в рассказе «Ложка сахара» аллюзия «Титаник» выступает в роли своеобразной подсказки читателям о том, какой конец ждет главного героя:

(20) — *Итак... итак, это теперь не «Пена». Это — нечто другое... «Титаник». Огромный, блестящий огнями океанский лайнер. Кругом на тысячи миль — простор океана. Представьте себе: ночь, тишина, и вы, именно вы стоите на корме* (Сенчин 2011).

Неслучайно и название одного из изучаемых нами произведений. «Афинские ночи» — это аллюзия. «Заголовок — сильная позиция текста, сразу же сообщающая о смысле произведения, сжатом автором до лаконичного словесного символа» (Ротай 2012: 68). Также в данном рассказе аллюзия включена в разговорную речь:

(21) — *Ну, где оглушительный праздник? Где **афинские** ночи?!*

— *Надо так.*

(22) — *А?*

— *Такая, в общем, **ночь** получилась, **афинская**... Нда, мне теперь впечатлений, хе-хе, надолго хватит, когда газировку буду проверять...* (Сенчин 2000).

Известен факт, что в дореволюционной России очень часто богатые помещики устраивали так называемые театральные увеселительные представления непристойного характера, именуемые в народе «афинские вечера». Таким образом, аллюзия на «афинские вечера», как форма интертекстуальности, является наиболее удачной. Р. Сенчину удалось в сжатой форме выразить свои идеи, дать возможность раскрыться многочисленным читательским ассоциациям.

Нередко в разговорной речи встречаются *повторы*. По мнению некоторых ученых (Г. А. Бариновой и Е. А. Земской), повторы являются составляющими спонтанных речевых конструкций и реализуют различные речевые стратегии индивида. «Как стилистическое средство повтор может выполнять в тексте разнообразные функции, на что обращают внимание многие исследователи данного стилистического приема: повтор может выступать как средство обеспечения когезии текста и средство смысловой организации текста, использоваться для усиления динамики речи и для выражения эмоций» (Прокопьева, Голубева 2014: 46). Часто Р. Сенчин использует *анафору* (единоначатие), которая является наиболее распростра-

ненной стилистической фигурой. «Анафора (от греч. *anaphora* — вынесение вверх). Стилистическая фигура, заключающаяся в повторении одних и тех же элементов в начале каждого параллельного ряда» (ССЛТ 1985: 63).

Приведем примеры:

(23) — **Наверно**... — *Николай Михайлович сжал стопку в ладони.*

— **Наверно**...

(24) — **Вот-вот** привезут, — заверяла Елена, убирая деньги в карман.

— **Вот-вот**... Проблемы там с транспортом были, но уже получены сведения, идет состав. А пила прекрасная — «Тайга»!

(25) — **В контору**, говорите? — по-другому уже, как-то с угрозой переспросила соседка.

— **В контору** на-адо сходить... А вы-то сами где этот лес взяли?...

(26) — **Пока** я ращу сына, **пока** в этом мой смысл... **Пока** что это нереально ведь.

(27) — **Скучно**.

— **Скучно**, так иди посуду помой. За день-то скопилось все-таки...

(28) — **Поговорил** с Вересовым?

— **Поговорил**.

(29) — **Давай** дежурство пока приму.

— **Давай-ай**.

(30) — **Долго** еще? — смотрю в окно.

— **Долго**. Кубинку проехали. (Сенчин 2000, 2010, 2011, 2017).

Перечисленные повторы указывают на темперамент и эмоциональное состояние говорящих, выступая в роли так называемых «словесных сигналов». Повторы также выполняют функцию самокоррекции диалогической речи, помогая адресату избежать ошибочного восприятия информации. Самокоррекция, сопровождающаяся повтором, чаще всего носит характер уточнения и конкретизации. Таким образом, повторы являются сознательным элементом речи.

Необходимо указать на слова-повторы (*редупликатy*), также встречающиеся в диалогической речи произведений Р. Сенчина. Например: **да-да, нет-нет, кретины-кретины, далеко-далеко, сильно-сильно, ням-ням, скок-скок, давным-давно, хе-хе, давай-давай, светло-светло, вези-вези, мала-мала, вот-вот, погоди-погоди, так-так, тю-тю-тю, только-только, о-о, ням-ням, хе-хе, еле-еле**.

«Редупликация (от лат. *reduplicatio* — удвоение) — лингвистическое повторение, удвоение корня или целого слова как способ образования слов, грамматических форм, фразеологических единиц» (СИС 2006: 133).

Редупликация в произведениях Р. Сенчина придает речи героев нужный эмоциональный оттенок.

В условиях диалогической речи Р. Сенчин использует разговорные слова: *понты* (хвастовство), *житуха* (жизнь), *башка* (голова), *втемяшилось* (укрепилось в сознании), *дурь* (глупость), *айдайте* (приглашение пойти), *дубак* (холод), *базарить* (говорить), *втюрился* (влюбился), *врачиха* (врач жен.), *блин* (я должен держаться) (негативная эмоция), *пожрать* (кушать), *прибамбасы* (дополнение к чему-то), *бреши* (врать), *поддон* (подлец), *врублю (телик)* (включу), *алкаш* (пьяница), *прикончить* (убить), *жид* (скряга), *придурок* (неадекватный человек), *баилях* (деньги), *вякает* (говорит), *выжрать* (съесть), *быдлярский* (гопообразный), *пойло* (алкогольный напиток), *жахнуть* (выпить), *горланить* (кричать). Разговорные слова, как правило, выражают эмоциональную оценку происходящего. «Эмоции — важная часть человеческой жизни, поскольку все, с чем сталкивается человек, вызывает у него определенную эмоциональную реакцию. Поэтому вполне очевидно, что в любом языке формируется целая система средств выражения эмоций, описания эмоционального состояния человека, репрезентации этого состояния в речи» (Родионова 2021: 60). Эмоционально окрашенные слова, на наш взгляд, в первую очередь указывают на стилевую особенность речи. Но главное их предназначение — создание яркого, неповторимого образа героя посредством передачи индивидуальной речевой характеристики каждого персонажа в отдельности. Фактически Р. Сенчин стремится представить диалоги в таком виде, в каком они существуют в реальной разговорной речи, т. е. дословно. Когда-то М. М. Зощенко так охарактеризовал свое творчество: «Я пишу на том языке, на котором говорит и думает улица» (Зощенко 2017: 12). На наш взгляд, Р. Сенчин умело фиксирует устно-разговорное общение, обусловленное экстралингвистическими условиями, в которых оно протекает. Также происходит персонализация личности героев Р. Сенчина. Прозаику удастся изобразить присутствие «живого человека» с его страстями, желаниями, взглядами и переживаниями.

Для более полного и глубокого понимания основной мысли и главной идеи произведений Р. Сенчина обратим внимание на диалог как самостоятельный объект исследования. В ходе стилистического анализа рассматривалась организация языковых единиц — словесных рядов. По мнению А. И. Горшкова, опирающегося на работы В. В. Виноградова, «словесный ряд — это представленная в тексте последовательность (не обязательно непрерывная) языковых единиц разных ярусов, объединённых композиционной ролью и соотнесённостью с определённой сферой языкового употребления или с определённым приёмом построения текста» (Горшков

2001: 160). Ю. М. Папян отмечает, что «словесный ряд, рассматриваемый во внутренних отношениях выбранных средств, — важнейшая структурная категория, определяющая сущность организационного и содержательного механизма и, разумеется, образной системы текста. Будучи компонентом организации текста, словесный ряд соответствует ему характером последовательного развертывания» (Папян 2018: 35). По мнению Г. Д. Ахметовой, «компонентами языковой композиции являются — словесный ряд, композиционный отрезок и точка видения, причем словесные ряды являются основным компонентом, т. к. проходят через все произведение» (Ахметова 2002: 67).

В рамках статьи проанализируем рассказы Р. Сенчина «К мужу» и «Первая девушка». В рассказе «К мужу» внутри диалогов можно выделить два явных прерывных словесных ряда. Первый из них характеризует жизнь и душевное состояние героини Марины, которая периодически посещает своего мужа Евгения Потапова в тюрьме:

Не жалко — Женя любит — пускай радуется — Женя просил — не надо денег — рядом — земная жизнь — Жене повредит — должны отпустить — ждет очень — всё наладится — Получил разрешение — Женя придет. (Сенчин 2017).

В этом словесном ряду мы видим иллюзию отношений на расстоянии и надежду главной героини на счастливое будущее с находящимся в заключении мужем.

Второй словесный ряд, наоборот, показывает реальность, которую Марина не хочет признавать:

Жалко — бедные вы женщины — ад — далеко — с деньгами плохо — Женя не просил — кто должен-то? — давно ведь ездил — беспредельщик — Потапов твой не придет. (Сенчин 2017).

Считаем важным выделить ключевые, противоположные по значению абстрактные понятия: *земная жизнь* и *ад*. Получается, счастье, к которому так стремится Марина, так же абстрактно. На наш взгляд, происходит столкновение словесных рядов — иллюзии с реальностью. Таким образом, Р. Сенчин передает весь трагизм положения главной героини Марины.

Рассмотрим один из первых рассказов Р. Сенчина «Первая девушка». Сразу видно, что разговорная речь изобилует личными местоимениями (*ты* — 7, *я* — 5, *мы* — 3, *меня* — 2, *тебе* — 2, *её* — 2, *он* — 2, *ей* — 1, *вас* — 1, *мне* — 1, (на) *неё* — 1, *они* — 1, *она* — 1). «Одна из характерных особенностей разговорной речи — активное использование местоимений» (Сиротинина 1983: 34). Интересно расположение личных местоимений в самом маленьком из рассматриваемых в данной статье диалоге.

Наблюдаются следующие конструкции грамматической противопоставленности местоимений, размещенные в таком порядке:

- 1) у *меня* — к *тебе*;
- 2) *ты* — *я*;
- 3) *я* — *тебе*;
- 4) *мы* — *её*;
- 5) *ей* — *ты*;
- 6) *мы* — *её*;
- 7) *мы* — *они*;
- 8) *ты* — на *неё*;
- 9) *я* — *ты*.

По нашему мнению, образуются два словесных ряда, отражающие отношения:

– между героем и персонажами (главный герой и Камель, главный герой и Оксанка): номера 1, 2, 3, 5, 8, 9.

– между персонажами (Камель с друзьями и Оксанка, Камель с друзьями и девушки): номера 4, 6 и 7.

В процессе разговора Камель предлагает главному герою совершить ужасный поступок. С 1-й пары у *меня* — к *тебе* начинается внутренняя борьба между добром и злом. Герой понимает, что так поступать нельзя. «Ценностные ориентиры героя обнаруживаются в его отношении к той или иной ситуации» (Вознесенская 2020: 83). Пары 4, 6 и 7 *мы* — *её*, *мы* — *её*, *мы* — *они* второго словесного ряда призваны убеждать главного героя в том, что в действиях Камеля с друзьями нет ничего плохого. Если же главный герой откажется, они все равно не отступят от своих намерений (*мы* — *её* повторяется два раза). Последняя, 9-я пара *я* — *ты* указывает на готовность главного героя принять участие в «нехорошем деле»:

(31) — *Я согласен.*

— *Ништяк. Перекурим тогда?*

— *А сколько вас?*

— *Трое, ты четвертый. Держи. — Он протянул мне коробок с насваем* (Сенчин 2011).

Мы видим, как словесные ряды, взаимодействуя, дополняют друг друга. Подобное взаимопроникновение, на наш взгляд, подчеркивает движение авторской мысли, раскрывая суть безнравственного и низкого поведения людей в описываемой ситуации.

Итак, мы проанализировали один роман, одну повесть и пять рассказов документального прозаика Р. Сенчина и обнаружили, что в художественных диалогах широко используются разговорные элементы. Эффект разговорности достигается за счет использования ряда особенностей, при-

сущих разговорной речи: предельная неполнота предложений, разговорная лексика, личные местоимения, повторы, гипербола, превентивные высказывания, аллюзия.

4. Выводы

Проведенное исследование показало, что выявленные разговорные элементы в художественном диалоге выполняют прежде всего функцию сигнала разговорности. Дополнительно разговорные элементы осуществляют описывающую функцию, то есть служат средством речевой характеристики персонажей. С этой целью Р. Сенчин передает обычные разговорные явления в реальном общении людей разных социально-классовых слоев населения. Особенно ему удаются персонажи с низкой речевой культурой. Также включение в художественные диалоги разговорной речи служит сближению писателя с читателем, раскрытию авторского замысла. Обнаруженные словесные ряды в структуре диалогов раскрывают развитие ситуации в процессе разговора. Таким образом, языковая композиция текстов Р. Сенчина подчинена логике общения и отражает особенности идиостиля писателя.

Список литературы / References

- Ахметова Г. Д. Языковая композиция художественного текста (на материале русской прозы 80–90-х годов XX века): Монография. Чита: ЗабГПУ, 2002. [Akhmetova, Galiya D. (2002) *Jazykovaja kompozicija hudozhestvennogo teksta (na materiale russkoj prozy 80–90-kh godov XX veka)* (Linguistic Composition of a Literary Text (Based on the Material of Russian Prose of the 80–90s of the XX Century)): Monograph. Chita: ZabGPU. (In Russian)].
- Басова Т. А., Федулёнова Т. Н. Язык, мышление и объективный мир в трактовке Г. В. Колшанского // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 4 (51). С. 132–137. [Basova, Tatyana A., & Fedulenkova, Tatyana N. (2020) *Jazyk, myshlenie i ob'ektivnyj mir v traktovke G. V. Kolshanskogo* (Language, Thinking and the Objective World in the Interpretation of G. V. Kolshansky). *LUNN Bulletin*, 4 (51), 132–137. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-132-137.
- Бирюлин Л. А. Функционально-типологические аспекты анализа императива. Часть 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. [Birjulin, Leonid A. (1990) *Funkcional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa Chast' 2. Semantika i pragmatika povelitel'nykh predlozhenijj* (Functional and Typological Aspects of Imperative Analysis. Part 2. Semantics and Pragmatics of Imperative Sentences). Moscow: In-t yazykoznaniya AN SSSR. (In Russian)].
- Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. [Vinogradov, Vladimir V. (1978) *Izbrannye trudy. Istorija russkogo literaturnogo jazyka* (Selected Works. History of the Russian Literary Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].

- Вознесенская И. М. Речевой облик персонажа в контексте рефлексии 90-х (на материале романа «Дождь в Париже» Р. Сенчина) // Мир русского слова. 2020. № 4. С. 79–85. [Voznesenskaya, Irina M. (2020) Rechevoj oblik personazha v kontekste refleksii 90-h (na materiale romana «Dozhd' v Parizhe» R. Senchina) (The Character's Speech Appearance in the Context of Reflection of the 90s (Based on the Novel "Rain in Paris" by R. Senchin). *The World of Russian Word*, 4, 79–85. (In Russian)]. DOI: 10.24411/1811-1629-2020-14079.
- Горшков А. И. Русская стилистика. М.: АСТ, 2001. [Gorshkov, Alexander I. (2001) *Russkaja stilistika* (Russian Stylistics). Moscow: AST. (In Russian)].
- Зоценко М. М. Избранное. М.: Приоритет Пресс, 2017. [Zoshchenko, Mihail M. (2017) *Izbrannoe* (Favourites). Moscow: Prioritet Press. (In Russian)].
- Кабанова И. Н. Интертекстуальный статус аллюзивных включений в медийном дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 33. С. 31–40. [Kabanova, Irina N. (2016) Intertekstual'nyjj status alljuzivnykh vkljuchenijj v medijjnom diskurse (The Intertextual Status of Allusive Inclusions in Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 33, 31–40. (In Russian)].
- Крысин Л. П. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2006. [Krysin, Leonid P. (2006) *Sovremennyjj russkijj jazyk. Social'naja i funkcional'naja differenciacija* (Modern Russian Language. Social and Functional Differentiation). Moscow: In-t russkogo yazyka im. V. V. Vingoradova. (In Russian)].
- Курилкина Ю. С. Семантический синкретизм превентивных высказываний в русском языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 46. С. 51–61. [Kurilkina, Julija S. (2019) Semanticheskijj sinkretizm preventivnykh vyskazyvanijj v russkom jazyke (Semantic Syncretism of Preventive Statements in the Russian Language). *LUNN Bulletin*, 46, 51–61. (In Russian)].
- Курьян М. Л. Гармонизация межличностной интеракции на стадии поддержания коммуникативного акта // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. Вып. 15. С. 57–68. [Kur'jan, Maria L. (2011) Garmonizacija mezhlichnostnoj interakcii na stadii podderzhanija kommunikativnogo akta (Harmonization of Interpersonal Interaction at the Stage of Maintaining a Communicative Act). *LUNN Bulletin*, 15, 57–68. (In Russian)].
- Лалетина А. О. Язык и норма в условиях глобализации и виртуализации общения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. Вып. 14. С. 44–51. [Laletina, Aleksandra O. (2011) Jazyk i norma v uslovijakh globalizacii i virtualizacii obshhenija (Language and Norm in the Context of Globalization and Virtualization of Communication). *LUNN Bulletin*, 14, 44–51. (In Russian)].
- Логинова Е. Ю. Использование гиперболы в рассказах Василия Шукшина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 43. С. 56–68. [Loginova, Elena Ju. (2018) Ispol'zovanie giperboly v rasskazakh Vasilija Shukshina (The Use of Hyperbole in the Stories of Vasily Shukshin). *LUNN Bulletin*, 43, 56–68. (In Russian)].
- Папаян Ю. М. Индивидуальный стиль в образах романа // Язык как материал словесности. Научные чтения (20 октября 2018 г. Москва. К 95-летию профессора

- А. И. Горшкова). Казань: Бук, 2018. С. 30–44. [Papayan, Yuri M. (2018) Individual'nyj stil' v obrazah romana (Individual Style in the Images of the Novel). *Yazyk kak material slovesnosti. Nauchnye chteniya (20 oktyabrya 2018 g. Moskva. K 95-letiyu professora A. I. Gorshkova)* (Language as a Material of Literature. Scientific Readings (October 20, 2018, Moscow. To the 95th Anniversary of Professor A. I. Gorshkov). Kazan: Buk, 30–44. (In Russian)].
- Прокопьева Н. Н., Голубева Н. А. Повтор как средство выразительности современной немецкоязычной проповеди // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2014. Вып. 27. С. 44–52. [Prokop'eva, Nadezhda N., & Golubeva, Nadezhda A. (2014) Povtor kak sredstvo vyrazitel'nosti sovremennoj nemeckojazychnoj propovedi (Repetition as a Means of Expressiveness of a Modern German-language Sermon). *LUNN Bulletin*, 27, 44–52. (In Russian)].
- Родионова М. Ю. Смена предиката как форма когнитивной адаптации текста при переводе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 53–68. [Rodionova, Maria Yu. (2021) Smena predikata kak forma kognitivnoj adaptacii teksta pri perevode (Predicate Change as a Form of Cognitive Adaptation of the Text During Translation). *LUNN Bulletin*, 53, 53–68. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-53-68.
- Ротай Е. М. Константы художественного мира в повестях Р. Сенчина [Электронный ресурс] // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. 2012. № 77. URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/03/pdf/36.pdf>. (дата обращения: 21.02.2022) [Rotay, Evgeniya M. (2012) (2022, February 21) Konstanty hudozhestvennogo mira v povestjah R.Senchina (The Constants of Artistic World in Narratives of R. Senchin). *Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*, 77. Retrieved from <http://ej.kubagro.ru/2012/03/pdf/36.pdf>. (In Russian)].
- Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь. М.: Просвещение, 1983. [Sirotnina, Olga B. (1983) *Russkaya razgovornaya rech'* (Russian Colloquial Speech). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Цейтлин А. Г. Мастерство Тургенева-романиста [Электронный ресурс] // Сайт, посвященный творчеству И. С. Тургенева. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/cejtlin-masterstvo-turgeneva/index.htm> (дата обращения: 21.02.2022) [Zeitlin, Alexander G. (2022, February 21) Masterstvo Turgeneva-romanista (The Skill of Turgenev the Novelist). *Site dedicated to the works of I. S. Turgenev*. Retrieved from <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/cejtlin-masterstvo-turgeneva/index.htm>. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Сенчин Р. В. Афинские ночи. М.: Пик, 2000. [Senchin, Roman V. (2000) *Afinskie nochi* (Athenian Nights). Moscow: Peak. (In Russian)].
- Сенчин Р. В. Елтышевы. М.: Эксмо, 2010. [Senchin, Roman V. (2010) *Eltyshevy* (The Eltyshevs). Moscow: Eksmo. (In Russian)].
- Сенчин Р. В. Изобилие. СПб.: КоЛибри, 2011. [Senchin, Roman V. (2011) *Izobilie* (Abundance). Saint Petersburg: KoLibri. (In Russian)].

Сенчин Р. В. За встречу. М.: Эксмо, 2017. [Senchin, Roman V. (2017) *Za vstrechu* (For the Meeting). Moscow: Eksmo. (In Russian)].

Словари / Dictionaries

- БЭС: Большой энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова, СПб.: Норинт, 2004. [Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' (2004) (Large Encyclopedic Dictionary). In Prokhorov, Aleksandr M. (ed.). Saint Petersburg: Norint. (In Russian)].
- СИС: Словарь иностранных слов: более 4500 слов и выражений / Н. Г. Комлев. М.: Эксмо, 2006. [Slovar' inostrannykh slov: bolee 4,500 slov i vyrazhenijj (2006) (Dictionary of Foreign Words: More Than 4500 Words and Expressions). In Komlev, Nikolay G. (ed.). Moscow: Eksmo. (In Russian)].
- ССЛТ: Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М.: Просвещение, 1985. [Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobie dlja uchitelja (1985) (Dictionary-Reference of Linguistic Terms: a Teacher's Manual). In Rosenthal, Dietmar E., & Telenkova, Margarita A. (eds.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- ТСРЯ: Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. М.: Астрель, 2000. [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka (2000) (Explanatory Dictionary of the Russian Language). In Ushakov, Dmitry N. (ed.). Moscow: Astrel. (In Russian)].
- ТСС: Толково-словообразовательный словарь: Свыше 136 000 словарных статей. Около 250 000 семантических единиц / Т. Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2001. [Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj slovar': Svyshe 136 000 slovarnyh statej. Okolo 250 000 semanticheskikh edinic (2001) (Explanatory and Word-formation Dictionary: over 136,000 Dictionary Entries. About 250,000 Semantic Units). In Efremova, Tatiana F. (ed.). Moscow: Russky yazyk. (In Russian)].